

Глава 37. Замыслив интригу, сама попала в западню

-Матушка, по-твоему, все эти молодые барышни упали в воду, потому что Няня что-то сделала?

Банкет завершился, благородные гости разошлись, а пожилая госпожа Вань пригласила к себе все еще хмельного Вань Сунбая. Он проснулся немедленно, наполовину от испуга, ошибочно полагая, что его мать снова задумала его избить, подождав, пока пожилая госпожа Вань попросила окружение уйти, он был весь во внимании, даже оставшееся опьянение быстро выветрилось.

-Как это возможно! Я помню, как у дочки Инь Чжи внезапно заболел живот, поэтому, чтобы не беспокоить старших, Няня составила компанию молодой барышне Инь и ушла вместе с ней. Цици даже заревновала, рассказывая, что Няня относится лучше к молодой барышне Инь, чем к ней. Другими словами, в то время, когда эти молодые барышни упали в воду, Няня вообще здесь не было!

Пожилая госпожа Вань фыркнула:

-Если бы у Няня были такие же мозги как у тебя, естественно, это было бы невозможно.

Господин Вань, образцовый сын, не посмел ничего возразить, а только глупо захихикал.

Оказывается, во время банкета произошел небольшой несчастный случай.

За парком в резиденции Вань был построен изящный двухэтажный павильон, его называли «Чанчунь», молодые мужчины, прибывшие на банкет, первоначально договаривались метать стрелы в вазу и соревноваться в сложении фу в месте, о котором ранее признали молодые барышни, но потом соревнование перенесли в павильон. Молодые барышни не осмелились вломиться туда, а жадно смотрели на элегантных мужчин издали. Они всей компанией столпились на маленьком деревянном мостике, прохаживаясь по нему, и пристально следили за людьми в павильоне.

Управляющая неоднократно вразумляла молодых барышень, что этот деревянный мостик непрочный, и совершенно недопустимо, чтобы такое большое количество людей толпилось на нем, однако влюбленные молодые девушки не послушались ее советов, и инцидент не заставил себя долго ждать – мост под ними рухнул. К счастью, настил моста не был высоким, а горный поток не мог похвастаться глубиной, если не считать ссадин и царапин, ни одна из молодых барышень не пострадала сильно, только искупались в холодной воде и были облеплены илом с ног до головы, отчего их внешний вид был весьма непригляден.

Только Ван Лин, из-за того, что была в центре, к тому же ее окружало множество людей, упав, была придавлена всеми к самому низу. После того, как ее выловили из воды и поставили на ноги, она выделялась как самая униженная и страдающая, утопая в грязи как глиняная статуэтка, не говоря уже о том, что в ее рот и нос попало несколько гнилых листьев.

Когда вести об этом деле донеслись до банкета, люди старшего поколения с улыбкой

обменялись взглядами.

Те отцы, кто разузнал, что среди пострадавших не было их собственных дочерей, не могли не чувствовать себя самодовольно, хвастаясь скромностью и послушностью дочерей; а отцы тех дочерей, которые там были, либо смеялись над собой, либо, качая головой из стороны в сторону, расплывались в улыбке и говорили фразу «Юноши и девушки так молоды, что тут говорить», были еще и те, кто просил прощения у Вань Сунбая за разрушенный мост.

Вань Сунбай, сидевший во главе стола, к тому времени уже под хмельком, стал хвастаться, каким он был в юности элегантным, как на него бросали украдкой взгляды молодые барышни и едва ли не раздавили толпой главные ворота резиденции Вань, в сравнении с сегодняшней группой молодых барышень, на его взгляд, они были намного энергичнее. А потом вся группа выпивших дядюшек и пожилых отцов одним за другим открывала рот, состязаясь в том, насколько они были изящными и элегантными в своей юности.

Один рассказывал, что в его семье никогда не надо было охотиться, потому что пролетающие дикие гуси сами садились около дверей их домов; другой говорил, что в их семье никогда не нужно было ловить рыбу, потому что вся рыба в пруду сама опускалась на дно и им приходилось только вычерпывать.

Этот рассказывал, что в тот день, когда он женился, одна половина молодых барышень из его уезда рыдала в голос, а оставшиеся, те, кто не попадали в обморок, втискивались в покои новобрачных. Тот рассказывал, что в его молодые годы все деревенские девушки попрекали отцов, что они могли бы выдать их за него замуж, шантажируя тем, что бросятся в реку, запугивали тем, что откажутся от пищи; он даже не мог зайти в свинарник, чтобы не завести три-четыре любовные интрижки, потому что он не мог больше оставаться в родном краю и завербовался в армию, поддерживающую нынешнего императора.

Среди всех главнокомандующий Хань похвастался самым оригинальным способом.

Рассказывал, что в молодости он обладал слишком выдающимися способностями, потому что вынудил двух деревенских старейшин сражаться за него как за будущего зятя. В определенное время в назначенном месте случилась драка с применением оружия, и в этой драке многие тела были разодраны в клочья – ужасающее зрелище, сопоставимое с великой битвой между двумя армиями. И ради спасения жизни старшего поколения он с болью в сердце сбежал из дома в далекие края – от этого хвастовства у присутствующих сорвало крышу, и главнокомандующего Хань стащили на пол, облив вином!

В этом деле Вань Цици действовала очень достойно, встречая единодушное одобрение всех присутствующих благородных дам.

Она не только правильно и четко командовала служанками, ухаживающими за молодыми барышнями, которых причесали и умыли, а также вылечили их раны. Она быстро нашла и распределила новую одежду и украшения для волос, оставшиеся от своих десяти старших сестер, и отдала все это молодым барышням, чтобы они переоделись. Одновременно, она искренне попросила, чтобы сестрички, не падавшие с моста, не упоминали вообще о

случившемся конфузе, а затем спокойно предложила Ван Лин и сотоварищи продолжить развлекаться и веселиться на банкете, относясь ко всем одинаково, как будто и не было произошедшего.

Госпожа Вань, слушая восхваления и похвалы, ничего не показывала на лице, она не могла выразить словами свои гордость и восторг, и волей-неволей ей пришлось много съесть и выпить несколько чарок с вином, а сейчас под влиянием вина она сидела с непонимающим видом.

–...нет, нас нельзя обвинять в том, что рухнул мост, – неловко трясая головой, сказал Вань Сунбай, – никто из присутствующих людей даже не обиделся. Управляющая, кроме того, специально поставила спереди и сзади моста по деревянному щиту и написала на них что-то вроде того, что мост неустойчив, шатается и может обвалиться, они сами настаивали на том, чтобы подняться. Что даже я мог сделать?!

Пожилая госпожа Вань легко фыркнула:

–Разве это ты приказал поставить управляющей те деревянные щиты?

Вань Сунбай остолбенел, сказал:

–Разве не матушка попросила?

Увидев взгляд матери и выражение ее лица, как будто она столкнулась с кретином, он понял, что ему было глупо спрашивать подобное и с неестественной улыбкой сказал:

–Матушка, скажи, я же глупый, как я способен угадать?

Пожилая супруга Вань заговорила:

–Позволь мне сказать тебе три вещи. Во-первых, прежде чем Няоня вернулась домой, садовник Чжан уже говорил мне, что княжне семьи Чэн очень нравится сидеть у того моста. Он часто встречал ее там, она с большим интересом в свободное время исследовала мост.

Хотя и возраст ее уже был солидным, и глаза постепенно слепли, однако в течение многих лет она лично управляла столичной резиденцией, и в одиночку заботилась о больших и малых делах и вопросах, за все время у ней вошло в привычку слушать ежедневно отчеты управляющей, докладывающей о внутренних делах.

Вань Сунбай был не в состоянии взять в толк:

–И что с того?

Пожилая госпожа Вань продолжила говорить:

–Во-вторых, замещающий на банкете управляющую Ли рассказывал, что Няоня предложила ему перенести соревнования по рифмованной прозе и метанию стрел в вазы в павильон Чанчунь, а не как перед этим предполагалось организовать их в боковом парке, потому что так было еще более изящно и оригинально.

-И в третьих, управляющий внутреннего двора Ван сказал, Няняо рассказала ему, что деревянный мост не очень устойчивый, и было бы очень плохо, если молодые барышни упали бы с него, а потому она велела ему установить в конце и в начале моста предупреждающий об этом деревянный щит.

Вань Сунбай наконец-то понял точку зрения матери – Шаошан жила в семье Вань довольно долго, и все – от матери до Цици, дорожили ее мнением, а управляющие в любое время прислушивались к ее точке зрения. Но ему по-прежнему было трудно поверить:

-Возможно, это попросту совпадение? Хотя мост и шатался, и был неустойчивым, но управляющий когда-то говорил мне, что разрушение еще не дошло до точки опоры. Как ни с того ни с сего Няняо могла узнать, что мост обрушится?

Пожилая госпожа Вань сказала:

-Вы совсем не знаете, но в действительности у деревянного моста известное имя. Он был построен сановником Гуншу ради помощи государю царства Чу, ему даже дали имя «мост Диегу», сейчас уже немногие знают об этом. На первый взгляд – это удобный и прочный мостик, но стоит только удалить несколько деревянных перемычек, и если кто-то по нему пройдет, то мост быстро рухнет.

-А это действительно хорошая идея. После переправы через реку со своей стороны вытащите несколько деревянных дощечек, и можно заставить преследующие вас войска упасть в воду... – выражение лица Вань Сунбая мало-помалу становилось серьезным, – матушкино мнение в том, что Няняо оказалась среди тех, кто разгадал эту загадку, а после, воспользовавшись случаем, завлекла всех этих молодых барышень?

Пожилая госпожа Вань покивала головой в знак согласия, сказав:

-Таким образом, уйдет она либо останется, будет она присутствовать в этом месте или не будет, ее план будет по-прежнему исполняться.

Вань Сунбай замер от удивления и через очень долгое время сказал:

-Говоря о младшем брате Чэне, безропотно послушном Сяо-ши, нельзя считать, что он полностью оскандалился, ведь взять в жены сообразительную и уже бывшую замужем женщину в конце концов выгодно! Но какой мозг у Няняо, это же, эх...

Пожилая госпожа Вань сказала:

-Если бы ты взял в жены замужнюю женщину, подобную Юаньби, пожалуй, в первый же год после свадьбы тебе бы пробили голову, и ты бы отправился на встречу со своим отцом. Хм, если бы это было так, я бы все еще могла воспользоваться случаем и вторично выйти замуж, пока была молода.

Мать и сын молчали, взгляд слепых глаз встретился с медным, и через долгое время они

рассмеялись.

Вань Сунбай вытер выступившие от смеха слезы и заговорил первым:

-Я все же думаю, что матушка сердится на Няоня, и хочу помочь Няоня парой слов, чтобы ты не обвиняла ее.

Пожилая госпожа Вань со смехом покачала отрицательно головой:

-Сегодня молодая барышня семьи Ван издевательски говорила с ней и очень оскорбила Няоня, ее также можно понять. Если бы это было бы со мной в молодости, я бы сделала все еще более жестко.

Вань Сунбай в ответ рассмеялся:

-Вам не следует винить Няоня за то, что она устроила эту ситуацию находясь в нашем доме, хорошо? Этот ребенок несчастен. Мой младший брат всегда, когда упоминает ее, испытывает чувство вины и жалеет.

-За что ее винить? – сказала пожилая госпожа Вань. – Если бы ей было все равно, незачем было звать управляющую, чтобы поставить эти две дощечки. Разве она думала провоцировать семью Вань? Прежде она уговорила поставить эти щиты с предупреждением, чтобы не обвинили нашу семью. Более того, на мой взгляд, у этого ребенка природные задатки, она обладает огромной силой и не боится смерти. Я не сомневаюсь, что если бы не боли в животе молодой барышни Инь, она должно быть задержалась и, сама собой, после смогла бы рассказать нам, честно придя с повинной.

Вань Сунбай повторял снова и снова:

-Именно так, именно так! Цици говорила мне, Няоня никогда не скрывает того, что делает, даже используя подлый прием, делает все совершенно открыто у всех на глазах, и это весело, – как его дочь пришла к подобному выводу, он не понимал.

-Правда, этот ребенок такой необыкновенный, – тихо сказала пожилая госпожа Вань, – если бы я в молодости натолкнулась на такую маленькую сестричку, она бы тоже понравилась мне.

Вань Сунбай про себя подумал, как же могли Вы встретить такую маленькую девочку, если Вы сами как маленькая! Кто в то время связывался с Вами, не доживал до ночи. Вы в тот же день немедленно бы воздали врагу все и еще добавили бы проценты за каждый большой час к его счету!

Однако услышав это, он почувствовал облегчение, но кто же знал, что пожилая госпожа Вань скажет:

-Только что я уже написала и отправила письмо, известив об этом деле Юань с супругом.

-Что! – Вань Сунбай испугался так, что у него сбилось дыхание, – матушка, ты не... не винила Няоняо?..

-Незачем быть настолько громким, я лишь слепая, но не глухая! – пожилая госпожа Вань не двинулась с места. – Я нисколько не виню Няоняо, однако нельзя также покрывать ее. У нее есть родители и старшие, как все будет происходить, зависит от семьи Чэн.

-Однако, однако, если Сяо-ши узнает об этом инциденте, в семье младшего брата опять возникнет скандал...

Пожилая госпожа Вань сказала:

-Скандал есть скандал, не сломав старого, не установишь нового. Юанъи следует все знать и понимать, что за человек ее дочь, в конце концов!

Вань Сунбай потерял дар речи:

-Матушка?..

Пожилая госпожа Вань, помолчав мгновение, сказала:

-Две семьи находятся в дружеских отношениях десятилетиями, даже обычные родственники, свойственники и родичи не так близки нам. Я наблюдаю за Юанъи, и хотя она превосходит всех своим умом, достигнув полного совершенствования в сообразительности, в этом нет ничего предосудительного. Но есть две вещи: у одной чрезмерное уверенность и самодовольство, и обе считают себя всегда правыми, даже если одна из них не права, и вместе отказываются признать собственную неправоту.

-Твоя правда! – касаясь недостатков госпожи Сяо, Вань Сунбай немедленно воодушевлялся, страстно желая говорить об этом три дня и три ночи, сверх того и на ночном перекусе: – Сяо-ши, эта замужняя женщина...

-Закрой рот, не твое дело говорить об ошибках Юанъи, – прикрикнула пожилая госпожа Вань, стукнув кулаком по столу, Вань Сунбаю ничего другого не оставалось как замолчать.

-Юанъи очень хорошо воспитала своих сыновей, невестка рассказывала мне, что находясь за пределами дома, молодежь из обычной семьи не может избежать женских капризов, оплачивают их счета, дают волю им, пьют вино, ходят на петушинные бои. Однако мальчики из семьи Чэн стремятся быть лучше, у них широкие взгляды на вещи, и они блюдают моральную чистоту. Обычно об этом упоминают общающиеся со мной благородные дамы, какая семья не хвалит их? Юанъи позаботилась о своих сыновьях, будь то занятия с приглашенными наставниками или же обучение боевыми искусствами, А-Юн с другими не могут ее послушаться. Вернувшись в столицу, Юанъи само собой приняла на себя ответственность и за Няоняо, откуда же она могла знать, что натолкнется на огненную стену! Да, за все это время у матери и дочери было несколько скандалов, и как они скандалили, ты, мой сын, подробно рассказывал мне все, что слышал.

Вань Сунбай понимал, что мать насмехается над ним, а потому еще строже держал рот закрытым.

-Еще до возвращения Юаньши в столицу, она решила выдворить Гэ-ши. Но она ощущала себя виноватой перед старым господином Гэ и госпожой семьи Гэ, и совсем некстати семье Гэ не требовалась ни в каких делах помощь семьи Чэн, разве не поэтому всю полноту своей души и всю любовь она стала изливать на Чэн Ян? Юаньши сама признавала, что следует удовлетворить обе стороны и жить в любви и согласии, по справедливости муж с детьми должны были это отчетливо понимать, однако возникли скандалы, и семья совсем перестала принимать ее доводы. Юаньши не желала понять, что в конце-концов была за причина. Она лишь только без конца подавляла, мать и дочь стали словно лед и долбящее его железо. Как тут не возникнуть скандалам?

Вань Сунбай в душе согласился с матерью, однако он боялся поставить Чэн Ши в затруднительное положение, поэтому не удержался и сказал:

-Но, матушка, из-за этого Няоняо накажут!

Пожилая госпожа Вань холодно сказала:

-В этом мире, если человек не может смело брать на себя ответственность, лучше сразу отступить, успокоиться и жить просто. Раз уж Няоняо все уже натворила, в таком случае ей стоит все выдержать и рискнуть, чтобы все увидели ее такой, какая она есть. Неужели она думала, что может ничего не делать и жить в комфорте? Рано или поздно, шаг за шагом все прорвется и наступит кульминация, и она сразу поймет, какой путь ей следует выбрать.

Вань Сунбай с глупым видом смотрел на изуродованное лицо матери – неужели матушка говорила о себе самой? Как раз по причине того, что при жизни отца она отказывалась склонить голову и немного согнуть спину, нажила слишком много врагов в уезде, где они находились, отец, неожиданно для всех скончавшийся так рано, оставил их, мать и сына, окруженными врагами со всех сторон.

.....

Мать и сын рода Вань не ошиблись – семья Чэн с минуты на минуту должна была увидеть еще один скандал.

Чэн Ши и госпожа Сяо после получения этого известия пребывали долгое время в молчании, муж и жена сидели друг против друга половину большого часа. Госпожа Сяо сначала хотела сказать: «Я была права, с ней приходят одни бедствия», между делом похвасталась бы своим предвидением перед мужем. Но не зная почему, эти слова застряли в ее горле, и она не смогла их произнести.

После, Чэн Ши молча встал с места, обойдя зал по кругу, он отправил Цин Ли за Чэн Чжи с женой, чтобы подробно рассказать им о произошедшем инциденте с обрушением моста. Чэн Чжи и Сан-ши испытали шок. В молчании они уставились друг на друга, и муж с женой

разглядели в глазах друг друга тайный смысл.

Чэн Чжи скрепя сердце сказал:

-По правде говоря, у этого инцидента не будет плохих последствий, те маленькие барышни лишь чуть опозорились, на мой взгляд, старшие не приняли все близко к сердцу, – вторая половина сегодняшнего банкета без малого была великим пиршеством хвастовства, и чем больше все хвастались, тем больше все становилось диковинным. Будучи в свое время подлинно прекрасным юношей, Чэн Чжи глубоко сокрушался о том, насколько сильно личностное у старшего поколения.

Сан-ши также сказала:

-В детстве мне приходилось читать несколько слов о том, как «князь Бань построил мост Диегу для того, чтобы помочь правителю Чу», да вот как выглядит тот мост, никто никогда не видел. В свою очередь, пожилая госпожа Вань обладает такими широкими познаниями и такими тонким умом, но как те молодые барышни могли знать об этом!

Чэн Чжи, понизив голос сказал:

-Нужно сказать, Ван Чунь также не очень порядочный человек, если бы не он, зачем бы старшему брату Ваню во время военных действий в уезде Иян нужно было притворяться, что у него проблемы с ногой? Сегодня его дочь публично унизила Няоняо, как все это может быть не намеренно!

Сан-ши сразу же добавила следом:

-Даже если это и сделала Няоняо от начала и до конца, то распланировано было все идеально. Даже если другие главы семей и слышали о мосте Диегу, в любом случае они не смогут догадаться о причинах, как ни крути, они получили по заслугам. Старшему брату и старшей невестке не стоит беспокоиться! Немного погодя мы с искренними помыслами извинимся перед семьей Вань, поскольку Шаошан была безрассудна и чуть ли не навлекла неприятности на чужую семью.

Супруги друг за другом каждой фразой оправдывали Шаошан, госпожа Сяо ведь не была кретинкой, как она могла этого не услышать, однако она не проронила ни одного слова, лишь пристально смотрела на мужа.

Чэн Ши выплеснул все, что у него накопилось:

-Нельзя этот инцидент оставить вот так! На сей раз я подвергну ее телесному наказанию. Тяжелому телесному наказанию!

Сан-ши нервно сказала:

-Старший брат...

Чэн Ши поднял руку, останавливая ее, он продолжил говорить, отчетливо произнося каждое слово:

-Ты так любишь Няоняо, беспокоишься о ней, обучаешь ее, ты не знаешь, как глубоко в сердце я признателен тебе!

У Сан-ши выступили слезы, потупившись, она сказала:

-Старшему брату не нужно так говорить, мы с Няоняо лишь легко сошлись характерами.

Чэн Чжи поспешно посмотрел на госпожу Сяо, однако увидел, что она, как и прежде, молча сидит с прямой спиной.

-Я знаю, что сегодня Няоняо нанесли обиду, однако я все еще хочу подвергнуть ее телесному наказанию, - с торжественным выражением лица сказал Чэн Ши, - сегодня, к счастью, пожилая госпожа Вань раскусила ее, а семьи Вань и Чэн состоят в дружеских отношениях, но что случится, если бы ее разгадал посторонний?!

Он повернулся к жене:

-Некогда ты сказала мне, что Няоняо "слишком умна и может не внять добрым советам, может словами скрыть проступок", сейчас, мне кажется, это отчасти правда. Она понимает, что сама совершила неподобающее, только зная, что это неподобающее, она все равно делает. Потому что она считает себя умной и особенной, ничего не боится и способна одурачить всех! И этим может навлечь на себя большое несчастье!

Слушая эти слова, Сан-ши потеряла дар речи.

Чэн Ши продолжил говорить:

-Боится попасть в беду? Будучи в возрасте Шаошан, я также не думаю, что был обходительным и сдержанным. Однако я был вынужден волей-неволей рисковать по необходимости, она же поступает так просто для того, чтобы выплеснуть гнев. Я сегодня намереваюсь изменить ее вдающийся в крайности нрав!

-И что будешь делать? - наконец заговорила госпожа Сяо.

Чэн Ши не ответил, а громким голосом позвал Чэн Шуня. Находившийся на улице Чэн Шунь привел с собой старого солдата с проседью в волосах, опрятно одетого. Старый солдат в руке держал очень длинный батог.

Чэн Чжи и Сан-ши не знали этого человека, но госпожа Сяо знала, она изумленно вымолвила:

-Цянь Цзэн?

-Старшая сестра, кто этот человек? - спросил Чэн Чжи.

Госпожа Сяо медленно сказала:

-Этот человек заведовал наказанием батогами при твоём старшем брате, – она уже поняла, что собирается сделать её муж.

У Чэн Чжи от испуга краска отлила от лица, и он воскликнул:

-Старший брат, не надо! У Няня тонкие косточки, одна Ваша оплеуха может заставить её потерять сознание, разве необходимо, применять... применять наказание батогами... – он указал на старого солдата, в руке которого была деревянная палка высотой с человека и диаметром в ширину чашки, крепкая и тяжелая, темная, будто покрытая лаком, при виде её у людей появлялась дрожь.

Сан-ши чуть приоткрыла рот, от страха лишившись речи.

Чэн Ши проигнорировал их, обратившись к старому солдату, он серьезно сказал:

-Сегодня этот хоу хочет использовать твои особые умения. В этот год ты редко совершал наказания в армии, лишь от случая к случаю я звал тебя допрашивать под пыткой лазутчиков. Не утратил ли ты свои навыки?

Старый солдат по имени Цянь Цзэн оскалился в усмешке:

-Генералу не нужно беспокоиться. Генерал позвал меня бить, и я буду бить. Поболит несколько дней, и на несколько же дней сохранятся раны, появится даже немного крови, но этот слуга оставит все в точности как и было.

Звук голоса старого солдата был пронзительным и тонким, посмотрев внимательно на его лицо, Сан-ши заключила, что этот человек должен был быть старым евнухом, при прошлой династии жившим в отдаленном царском дворце, и после изгнанный жил среди простого народа.

-Говоря по существу, я просто хочу запугать княжну, тебе нельзя допустить ошибку! – пригрозил Чэн Ши властным голосом. – Иначе я живьем сдеру с тебя кожу!

Цянь Цзэн сказал, опустив голову:

-Генерал вытащил меня из груды трупов, разыскал мою пропавшую мать и племянника, и подобающе устроил всю семью этого слуги. Если слуга что-то отобьет у княжны, генералу незачем давать волю рукам, этот слуга сам покончит с собой.

Чэн Ши кивнул головой в знак согласия, взмахнул рукой, подзывая Чэн Шуня, чтобы тот забрал этого человека.

Чэн Чжи наконец-то понял и, заикаясь, сказал:

-Старший брат, ты, ты, ты сейчас...

-Няня, храбрая, но осмотрительная, принимая обычные меры, её не запугать! – сказал Чэн Ши. – Вмешательство должно быть очень жестоким. Я собираюсь заставить её как следует

пострадать, увидев немного крови, пусть она извлечет урок и не повторяет больше ошибок. Однако недопустимо в самом деле нанести ей повреждения.

Чэн Чжи посмотрел на жену, Сан-ши горько усмехнулась.

Госпожа Сяо фыркнула:

-Ты наконец-то сдался? И не боишься, что Няоняо начнет ненавидеть тебя?

Кто же знал, что Чэн Ши покачает головой и скажет:

-Госпожа верно сказала. По этой причине мне нельзя самому назначать наказание, а сделать это следует госпоже.

Как только эти слова прозвучали, трое человек в зале «Росток тростника в девятый зимний день» вытаращили на него глаза.

-Как ты мог такое сказать! – госпожа Сяо наконец-таки разгневалась, но ее гнев не был направлен на дерзкую дочь, а на бесстыжего мужа. Он сам должен был оставаться хорошим человеком для дочери, предоставив ей право быть злой! Это попросту бесстыдство!

Чэн Ши немедленно погладил жену по спине, нежным голосом сказал:

-Я ведь делаю это не ради Няоняо. Подумай сама, чтобы привести к покорности такого своевольного ребенка, необходимо сочетать мягкость и жесткость. После наказания все равно придется ее утешать. Мы – муж и жена, и во всяком случае следовало бы быть одному более гибким, а другому более жестоким.

Госпожа Сяо высвободилась из-под ладоней мужа, гневно сказала:

-Тогда я сама буду проявлять гуманность, а ты – демонстрируй силу! С какой стати я должна играть роль злодея!

-Если бы это было в прошлом... – сказал Чэн Ши с улыбкой, – само собой, госпожа – хороший человек, а матери и дочери дозволено разговаривать на конфиденциальные темы. Однако, разве сейчас Няоняо не настроена предвзято против госпожи? Если все время относившийся с любовью отец выйдет против нее с палкой, мы раним ее душу и она будет негодовать или наоборот набычится и откажется уступить!

-Ты!.. – эти слова все-таки были весьма убедительны, госпожа Сяо задыхалась и дрожала от гнева.

-Мой план следующий: через некоторое время я уйду из резиденции, чтобы не расчувствоваться, и, пожалуй, чтобы Юн`эр снова не привлек меня в качестве защитника. К тому времени, как Няоняо вернется из семьи Инь, госпожа как раз впадет в ярость... нет, нет, не надо метать громы и молнии в меня, обратите все на Няоняо!

Чэн Ши перемещался и влево и вправо, блокируя удары, стараясь уклониться от кулаков госпожи Сяо, с заискивающей улыбкой:

-А потом госпожа громко начнет ругать Няоня за ее многочисленные проступки, приведет высказывания какого-нибудь святого, которые говорят все наставники, и будет вразумлять ее, пока она не будет знать куда деться, важно – ты должна сильно ее напугать, очень сильно, и подавить ее. А затем сразу же призови Цянь Цзэна, чтобы он пришел и совершил наказание – незачем ее раздевать, младшая дочь должна сохранить свое лицо, а затем как следует накажи ее, но не надо жестоко избивать, я заблаговременно проинструктирую Цянь Цзэна...

Госпожа Сяо не смогла вытянуть руку, которую крепко держал ее муж, сильно разгневанная, она, не заботясь о правилах поведения, подняла ногу и пнула мужа.

-А затем третий младший брат и третья невестка в большой спешке – помните, лучше войти сюда через главный вход, вам двоим не нужно прятаться в боковой комнатке и смотреть весь этот спектакль, не экономьте силы, у Няоня острое зрение, не нужно выдавать себя с головой – а потом вы сквозь возгласы скорби и непрекращающиеся слезы просите пощады для Няоня. После чего Юаньши в некотором затруднении с трудом согласится с вами, как будто это единственный способ спасти ее жизнь, а через два дня вы возьмете Няоня и отправитесь в путь к месту назначения на службу...

Госпожа Сяо, использовав всю свою силу, наконец-то столкнула мужа с топчана и, в свою очередь устав, упала без сил на прежнее место.

-А затем... – Чэн Ши поднялся с уставшим лицом, отряхнул складки одежды, – э, да, ну достаточно.

Госпожа Сяо устала гневаться, только и могла, что с трудом дышать. Сан-ши с детства никогда не была так сильно напугана, от начала и до конца она могла только широко раскрыть глаза и не двигаться. Лишь Чэн Чжи закрыл лицо руками, не желая ничего говорить.

Чэн Ши стоял в середине зала «Росток тростника в девятый зимний день», его мощная фигура была энергичной и выразительной, и взгляд – открытым и ярким; он поднимал руку, будто командуя могучим войском, и звук его голоса был подобен крику, издаваемому при штурме в море крови.

Они только и слушали, что он говорит:

-Сегодняшнее сражение – за желание заставить Няоня понять, что за горами есть другие горы, и там тоже есть люди, нельзя руководствуясь собственными желаниями, рисковать, и уж тем более нельзя, пускаясь в авантюры забывать, что кто-то может вывести тебя на чистую воду! Так и сделаем. Юаньши почти завершит наказание, и в это время третий младший брат и третья невестка войдут сюда, чтобы ее спасти, а мы опрокинем чарку после в знак победы!

Перепуганная Сан-ши медленно повернула голову, спрашивая взглядом мужа.

Чэн Чжи также с помощью взгляда ответил: верно, мой старший брат всегда был именно таким. Однако, тебе не нужно переживать, неправильно считать, что за него, честного и туповатого, все дела замышляет жена, ты не первая так думала, и должно быть не последняя.

Сан-ши: смотря на них, искусно дерущихся, задаюсь вопросом – неужели и в прошлом было также?

Чэн Чжи: первое время брака между новобрачными было невыносимым, я и второй старший брат это знаем. После рождения Юн`эра и остальных они стали заниматься показухой. Не скрою от тебя, на самом деле я очень скучал по тому времени.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3350684>